

«СТАРОСТЬ» В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Шипилов Андрей Васильевич - доктор культурологии, профессор. Воронежский государственный педагогический университет. Гуманитарный факультет.

Аннотация. Не только во времена древности, но и в совершенно недавние эпохи, «старостью» считался не 60 - 70 - 80-летний, а гораздо более «молодой», с современной точки зрения, возраст. В России XVIII века 55-летний фабричный работник считал себя стариком, а 56-летних официальные ведомости рассматривали как «престарелых»

Ключевые слова: старость, старик, престарелость, модернизация, индустриальные модели, культура, социум.

Современное российское общество представляет собой весьма своеобразный социокультурный организм. В результате форсированной модернизации советского периода, когда в течение жизни всего двух-трех поколений основная масса населения переместилась из деревни в город, оказались разрушенными и традиционное городское (гражданское) общество, и традиционное сельское общество (община), место которых занял некий социокультурный симбиоз, индустриально-городской по форме и сельско-крестьянский по содержанию. Фантастическая по темпам урбанизация явилась внешней оболочкой еще более фантазмагорической внутренней рурализации общества; этот социум-мутант, в котором, как в слоеном пироге, феномены аграрной, индустриальной и постиндустриальной стадий перемежаются друг с другом, в силу отсутствия значимых факторов эволюции, а может быть, и паритета разнонаправленных ее векторов, оказался при всей своей амбивалентности вполне стабильным, но при этом столь же перманентными сделались и институционально-ценностные несостыковки, латентные, а то и открытые конфликты. Одной из таких проблем выступает разрушение авторитета старшего поколения, утрата старостью атрибута значимой ценности, так как тот социальный опыт и культурная традиция, носителями которого выступают большинство нынешних пенсионеров, оказываются мало или фактически вовсе невостребованными в новых условиях. Существует достаточно много социологических и культурно-антропологических осмыслений подобных ситуаций (например, известная концепция Маргарет Мид, выделяющей в зависимости от характера межпоколенческих взаимоотношений постфигуративный, конфигуративный и префигуративный типы культур¹), однако для нас больший интерес в данном случае представляет не комментирование имеющихся интерпретаций, а проблема исторической конкретизации самого понятия «старость». Сегодня «старым», исходя из пенсионного законодательства и обычного словоупотребления, признается человек в возрасте от 60 - 65 лет; но всегда ли так было?

В патриархальном (архаическом) обществе старый - это старший, т.е. человек, который в силу своего сравнительного превосходства в возрасте почти автоматически выступает обладателем власти/авторитета (*auctoritas*). Греч. *geron* - это член герусии, лат. *senex* - это член сената: старость этимологически ассоциируется не с дряхлостью и упадком, а с властью и превосходством. Русское «старый» или старославянское «старьць» восходят к индоевропейской основе со значениями «большой», «крепкий», «твердый», «сильный»²: имеется в виду отнюдь не немощь, а наоборот, сила, могущество, господство. Почему так?

Дело в том, что не только во времена седой древности, но и в совершенно недавние, по историческим меркам, эпохи, «старостью» считался не 60 - 70 - 80-летний, а гораздо более «молодой», с современной точки зрения, возраст. В России XVIII века 55-летний фабричный работник считал себя стариком, а 56-летних официальные ведомости рассматривали как «престарелых»³. Та же ситуация была характерна и для верхов общества - в 1752 г. посланник в Австрии М.П. Бестужев в одном письме писал: «я человек престарелый: родился я в 1689 году, и тако 63 год мне идет: лета немалые, более должно назвать престарелые»⁴. Несколько десятилетий спустя, в 80-е гг. XVIII в., французский посол Л.-Ф. Сегюр в своих записках называл 50-летнего австрийского посланника принца де Линя «*стари-ком*»⁵; в «Письмах русского офицера» Ф.Н. Глинки, написанных в 1805/1815 гг., можно прочитать такую фразу: «... один шестидесятилетний старик...»⁶, - и т.д. и т.п. Можно привести и ряд литературных примеров: в

толстовской «Анне Карениной», где описываются события уже 70-х гг. XIX в., 34-летний Стива Облонский характеризует свою жену, «бывшую только годом моложе его», так: «истощенная, состарившаяся, уже некрасивая женщина» (что немудрено, так как Долли Облонская в свои тридцать три года была уже «мать пяти живых и двух умерших детей»). В другом месте брата Левина, Сергея Ивановича Кознышева, убеждают в том, что в нынешнее время «только в России люди в пятьдесят лет считают себя стариками», в то время как во Франции пятидесятилетний мужчина считает себя «в расцвете лет», а сорокалетний - «молодым человеком», - и т.д. Даже в таком позднем произведении, как «Двенадцать стульев» Ильфа и Петрова (этот написанный в 1927 г. бессмертный роман в данном аспекте представляет ничуть не меньший интерес, чем более серьезные сочинения), при описании свадьбы Остапа Бендера и вдовы Грицацуевой сообщается, что «Молодая была уже не молода. Ей было не меньше тридцати пяти лет», а 50-летняя Елена Станиславовна Боур и 52-летний Ипполит Матвеевич Воробьянинов именуются не иначе, как «старик» и «старуха»⁸.

Дело в том, что продолжительность жизни была тогда столь невысока, что перешагнувший через 50-летний рубеж человек мог считать себя счастливым и, действительно, выглядел в глазах окружающих глубоким старцем. Во Франции XVIII в. продолжительность жизни составляла 25-27 лет, при этом, по разным оценкам, от 20 до 35% умирало в первый же год жизни, до 10 лет доживало 49-61%, до 25 лет - 42-55%, до 50 лет - 24-38%⁹. В России ситуация была отнюдь не лучше - Ломоносов считал, что из каждого поколения «в три года умрет половина или еще по здешнему небрежению и больше»¹⁰, Екатерина II в своем «Наказе» писала, что «мужики большей частью имеют по двенадцати, по пятнадцати и до двадцати детей из одного супружества; однако редко и четвертая часть оных приходит в совершенный возраст», а Петербургская духовная консистория в 1747 г. сообщала, что в пределах епархии из 3211 новорожденных мальчиков в течение первого года жизни умерло 968 (и это еще по очень неполным данным)¹¹. В середине XIX в. средняя продолжительность жизни крестьянина определялась А.В. Терещенко в 33 года¹²; даже в последней четверти XIX в. в России до 5-летнего возраста доживали 550 чел. из 1000 (в Западной Европе того времени - более 700). До старости доживало, понятно, еще меньше - можно привести такой фактический пример: в одном из имений П.П. Шафиров, отписанных в 1723 г. «на государя», из 375 душ м.п. возраст от года до 10 лет имели 108 (28,8%), от 10 до 15 лет - 52 (13,9%), от 15 до 60 лет - 186 (49,6%), и от 60 до 90 лет - 29 (7,7%) чел.¹⁴; иными словами, лиц современного пенсионного возраста было всего 8%, а не от одной трети до половины населения, как сегодня.

«Старость», таким образом, начиналась рано; соответственно, сравнительно с нашими сегодняшними представлениями, столь же рано заканчивалась «молодость». Традиционным возрастом зрелости был возраст 15-ти лет: именно по достижении пятнадцатилетия дворянский «новик» получал коня, саблю, поместье и мог отправляться на войну. Тем более это было характерно для непривилегированных сословий: к 14-15 годам крестьянский сын или дочь считались вполне взрослыми людьми, и не только считались, но и были ими, т.е. могли себя обеспечивать собственным трудом, в том числе и работой по найму. У приписных крестьян уже 10-летние мальчики становились «годными работниками» и отправлялись отдельно от семей на отработку на рудники и заводы¹⁵. В XVIII веке на казенных заводах работали дети с 12 лет, а на частных - и с 6 лет; платили им меньше, чем взрослым, что вызвало в 1763 г. особое разбирательство, результатом которого стало распоряжение считать малолетними лиц, не достигших 15-летнего возраста, а лица 15 лет и старше были официально отнесены к взрослым рабочим и должны были получать соответствующую заработную плату¹⁶. В Европе в XVIII в. ситуация была такой же: в Голландии, Швейцарии, Англии, Франции, Австрии, Пруссии в кустарных мастерских, на заводах и фабриках работали дети 7, 6, 5 и даже 4 лет от роду; в Пруссии были мануфактуры, на которых работали исключительно дети, в Австрии детский рабочий день продолжался 13-14 и даже 16 часов. Показателен и такой пример: из 85 работников в возрасте от 7 до 9 лет, поступивших на московские мануфактуры в первой четверти XVIII в., до этого занимался ремеслом 1, «разной работой» - 2, из 191 работника в возрасте 10-11 лет ремеслом занимался 1, разной работой - 13, из 317 работников от 12 до 14 лет был 1 ремесленник, 33 разнорабочих и даже 2 торговца: все это были люди, жившие без родителей и самостоятельно зарабатывавшие на жизнь. Перепись бурлаков, проведенная в 1722 г. в Нижнем Новгороде, выявила 28 работников в возрасте от 7 до 10 лет, и 271 работника в возрасте 11-15 лет (из общего количества в 11 087 чел.); 7-летние дети работали кашеварами, а 12-летние уже тянули лямку вместе со старшими товарищами¹⁹.

«Взрослость» традиционно определялась (и определяется) не только способностью самостоятельно зарабатывать на жизнь, но и возможностью вступления в брак. Так вот, по основному кодексу регулировавшего семейно-брачные отношения в допетровской Руси церковного права – Кормчей книге, минимальным возрастом вступления в брак для жениха было 15 лет, для невесты – 12 лет. В «Стоглаве» 1550 г. также говорилось: «А венчали бы отрока пятнадцати лет, а отроковицу двенадцати лет по священным правилам». 14-летние невесты никого не удивляли (в 14 лет уже рожали), так как бывали и 12-ти, и даже 11-летние невесты (например, член голштинского посольства 1633 - 1634 гг. Адам Олеарий пишет: «В этой деревне к нам привели мальчика 12-ти лет, который несколько перед тем женился; в подобный же брак в Твери вступила девочка в 11 лет»), а в удельные и еще более ранние времена – 8-ми и 5-летние. Впрочем, подобное положение сохранялось не только в более ранние, но и в более поздние времена – так, в 1763 г. небезызвестный А.Т. Болотов сватался к 12-летней девочке, однако родители попросили подождать год, и он действительно подождал, но через год женился; сенатские и синодские запреты венчать малолетних (восьмилетних и т.п.) издавались в 1774, 1779, 1781 гг. – т.е., в этом была необходимость. Только в 1775 г. бракоспособный возраст был повышен для лиц ж.п. до 13 лет (у лиц м.п. был оставлен тот же – 15 лет), и лишь в 1830 г. было законодательно установлено, что женщина может выходить замуж в 16 лет, а мужчина жениться – в 18 лет.

В течение XVIII – первой половины XIX вв. русские дворяне часто поступали на действительную военную или статскую службу в возрасте 13, 14, 15 лет, и действительно служили, воевали и управляли, достигая еще через несколько лет высоких чинов. Вот лишь несколько примеров: П.А. Румянцев в 18 лет стал полковником, командиром Воронежского пехотного полка, а в 30 лет – генерал-майором; С.Г. Волконский в 17 лет командовал полком, а в 25 лет стал генералом; Н.Н. Раевский получил полковничий чин в 22 года, генеральский – в 28 лет; А.А. Тучков стал полковником в 22 года, генерал-майором – в 32 года; М.И. Кутайсов получил генеральский чин в 24 года, М.Ф. Орлов стал генерал-майором также в 24 года, Н.А. Саблуков – в 25 лет, М.С. Воронцов – в 28 лет, П.Д. Киселев – в 29 лет, П.В. Завадовский и А.Н. Сеславин – в 33 года. Таким образом, двадцатилетние «молодые люди» уже командовали тысячами других людей, а тридцатилетние были заслуженными генералами; конечно, в статской службе продвижение шло медленнее, но и здесь положение было совершенно несопоставимым с сегодняшним, свидетельством чего является тот факт, что в XIX веке пенсия статским чиновникам назначалась по выслуге 25 лет (в размере оклада; 20-летний стаж обеспечивал пенсию в размере половины оклада жалования), так что «пенсионный возраст» начинался где-то с 45 – 47 лет.

Из приведенных данных видно, что еще менее столетия назад и для высших, и для низших классов российского общества понятие «старость» ассоциировалась с 50 – 55-летним возрастом, а доля «стариков» в возрасте свыше 60 лет была в 3 – 5 раз ниже, чем сегодня. Современное старение общества в развитых странах, в т.ч. и в России, является следствием сложного комплекса факторов, включающего в себя развитие здравоохранения, снижение детской смертности, качественное улучшение условий труда, особенно его продолжительности и интенсивности, столь же фундаментальное повышение комфортабельности быта и т.д. Российской особенностью является то, что в результате скачкообразной урбанизации несколько десятков миллионов крестьян – носителей не только полупатриархальной культуры и системы ценностей, но и обладателей прекрасного генетического здоровья (следствие многотысячелетнего естественного отбора в условиях отсутствия какого бы то ни было здравоохранения и фантастической по нынешним меркам трудоемкости жизни), оказались в совершенно ином физико-социальном ландшафте, существенно увеличившем продолжительность их жизни. Однако увеличение продолжительности жизни и удельного веса лиц пенсионного возраста оказалось сопряжено с падением востребованности этой доли населения в процессе социокультурного воспроизводства, что вызывает фрустрацию, негативные эмоционально-психологические последствия.

Литература:

¹ Мид М. Культура и преемственность. Исследование конфликта между поколениями // Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. – М., 1988.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. 2. – М., 1999. – С. 199.

³ Семенова Л.Н. Рабочие Петербурга в первой половине XVIII века. – Л., 1974. – С. 195.

- 4 Соловьев С М. Сочинения. В 18 кн. Кн. XII. Т. 23-24. - М., 1964. - С. 132.
- 5 Россия XVIII века глазами иностранцев. - Л., 1989. - С. 395.
- 6 Глинка Ф.Н. Письма русского офицера. - М., 1990. - С. 342.
- 7 Толстой Л.Н. Анна Каренина. - Тула, 1970. - С. 5, 530.
- 8 Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. - М., 1991. - С. 13, 88, 137-147.
- 9 Кулишер И.М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. - М.-Л., 1931.
- С. 8.
- 10 Семенова Л.Н. Очерки истории быта и культурной жизни России. Первая половина XVIII века. - Л., 1982. - С. 83.
- 11 Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Екатерининские орлы. - М., 1996. - С. 299.
- 12 Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. I-VI. - СПб, 1848. - С. 226.
- 13 Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXVII. - СПб, 1899. - С. 99.
- 14 Материалы по истории крестьянского и помещичьего хозяйства первой четверти XVIII в. - М., 1951. - С. 20.
- 15 Миненко Н.А. Культура русских крестьян Зауралья. XVIII - первая половина XIX в. - М., 1991. - С. 110-118.
- 16 Черкасова А.С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. - М., 1985. - С. 139-140.
- 17 Кулишер И.М. Указ. соч. - С. 157-160.
- 18 Заозерская Е.И. Развитие легкой промышленности в Москве в первой четверти XVIII в. - М., 1953. - С. 446.
- 19 Голикова Н.Б. Наемный труд в городах Поволжья в первой четверти XVIII века. - М., 1965. - С. 67.
- 20 Рябцев Ю.С. Хрестоматия по истории русской культуры: Художественная жизнь и быт XI - XVII вв. - М., 1998. - С. 339.
- 21 Там же. - С. 340.
- 22 Рабинович М.Г. Очерки этнографии русского феодального города. - М., 1978. - С. 213-214; Забелин И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. - Новосибирск, 1992. - С. 49.
- 23 Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные им самим для своих потомков. Том второй. 1760 - 1771. - М.-Л., 1931. - С. 252-294.
- 24 Гольцев В.А. Законодательство и нравы в России XVIII века. - СПб, 1896. - С. 111.
- 25 Миронов Б.Н. Русский город в 1740 - 1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. - Л., 1990. - С. 54.